

Едва минули новогодние праздники, как Гу Сяодун узнал о своем первом в этом году «подарке» — имени Шаньцин.

Выкроив время в череде бесконечных забот, госпожа Ань позвала его к себе в Западный сад процветания. На сей раз она не выказала прежней холодности, свойственной ей во время болезни, и заговорила на редкость ласково:

— В феврале ты начнешь учебу в частной школе, так что тебе полагается приличное, официальное имя. Цзиньюй тоже пекся об этом — еще до праздников нарочно завел разговор. Он сам выбрал для тебя имя Шаньцин. Звучит достойно. Отныне так тебя и будут звать.

Сяодун опешил. Он-то наивно полагал, будто «Шаньцин» — их маленькая, понятная лишь двоим тайна, а тут такое...

Имя, конечно, красивое, спору нет, но привычное и бесхитростное «Сяодун» все же грело душу сильнее.

Заметив его замешательство, госпожа Ань истолковала его по-своему:

— Понимаю, в твоем сердце может таиться обида из-за того, как все перевернулось с ног на голову. Но пойми, Шаньцин: пути судьбы неисповедимы. Раз уж ты рос вдаль от дома, имя Четвертого молодого господина семьи Гу тебе не по плечу. Цзиньюй великодушен к тебе, и тебе не стоит держать на него зла. Вы должны ладить. Тебе все ясно?

Сяодун неловко улыбнулся и, потирая ладони, пробормотал себе под нос:

— Я во всем покоряюсь вам, матушка. И никакой обиды на Цзиньюя у меня нет, правда... Только можно спросить? Когда мы наедине, вы не могли бы по-прежнему звать меня Сяодуном?

— Шаньцин, — госпожа Ань положила ладонь ему на плечо, и в голосе ее зазвучала мягкая, но непреклонная сталь. — Не упрямясь.

Возражать он больше не посмел — лишь покорно закивал, растерянно вертя пальцами.

— Доверься решениям семьи Гу, — она ласково сжала его плечи, заглядывая в глаза. — Сам ведь понимаешь, выдающимся умом ты не блещешь. Будь у тебя способности к наукам или воинскому искусству, тобой сейчас занимался бы отец. Или ты предпочтешь отказаться от моей заботы и отправиться на воспитание в покои князя?

От одной только мысли об этом у Сяодуна побежали мурашки по коже. Он затряс головой так рьяно, что едва не задел собственное плечо.

— Князю нужны наследники, которыми можно гордиться, — продолжала госпожа Ань. — А для меня достаточно, чтобы ты рос послушным и тихим. Ты ведь у меня именно такой, верно?

Сяодун закивал еще усерднее. Мысль о наказаниях нагоняла тоску. Перспектива сидеть взаперти каждые три дня его пугала до дрожи, а ведь для князя Чжэньбэя это было лишь самым безобидным средством вразумления.

— Я не могу постоянно находиться рядом, — добавила она. — Фэнъэнь и Фэнхуань приставлены к тебе не просто так. Они не только слуги, но и твои наставники. Всему, чему они станут тебя учить, внимай прилежно. Понял?

Сяодун растерялся:

— Да они вроде ничему такому меня и не учили...

Госпожа Ань легонько коснулась его уха:

— Всему свое время, научат. Сейчас твоя главная забота — подготовиться к занятиям. Тебе предстоит сойтись со сверстниками из благородных семей, постичь законы светского общения и научиться лавировать среди чужих интересов. Запомни: среди них почти не будет ни верных друзей, ни явных врагов. Со всеми придется держать ухо востро и находить общий язык.

Тут Сяодун заметно приободрился и с гордостью заявил:

— С этим я справлюсь! Обходить острые углы и ладить с людьми я умею, уж поверьте!

Госпожа Ань посмотрела на него с сомнением, но спорить не стала:

— Что ж... поживем — увидим.

Сяодун преданно заглянул ей в лицо:

— Матушка, любые ваши разумные приказания я исполню беспрекословно. И мне хочется не просто слушаться вас, а заботиться о вас. Вы ведь моя мама. Больше всего после переезда сюда я радовался именно тому, что у меня появилась мать. О той женщине, что вырастила меня, я почти ничего не помню, и всегда тосковал по материнскому теплу. А теперь у меня есть вы. Пожалуйста, позвольте мне быть ближе. Если вы вдруг занеможете — только позовите. Я умею ходить за больными, правда умею!

Он виделся с ней нечасто. Обычно госпожа Ань являлась перед ним величественной, безупречно ухоженной дамой, и лишь однажды, застав ее во время недуга без привычных белил и румян, он поразился тому, какой изможденной она выглядела. На ее лице лежал

отпечаток тяжелой, застарелой хвори, годами подтачивавшей силы — точно так же угасал когда-то его приемный отец.

Госпожа Ань уловила в его взгляде искренний, чистый порыв сыновней любви, но подобные чувства были ей ни к чему. По крайней мере, она уверяла себя в этом. Холодно поблагодарив его парой дежурных фраз, она отпустила юношу.

Ближе к вечеру Фэнъэнь вызвался проводить его к недавно достроенной школе.

Огромное здание возвели в самом сердце Восточного лесного сада. Южная его сторона упиралась в тенистый парк, северная выходила к ристалищу для военных упражнений, восточная граничила с классами искусств, а западная примыкала к ученическим покоям. Это был целый скрытый мир, величественно именовавшийся Академией Широкого Благодеяния. Планировка здесь отличалась невероятной сложностью: поговаривали, будто строители использовали законы таинственного учения Циньмэнь, превратив внутренние переходы в форменный лабиринт. С непривычки здесь можно было плутать часами, поэтому за каждым учеником закрепляли провожатого из местных слуг.

— Мне придется переселиться сюда? — поинтересовался Сяодун, оглядывая бесконечные стены.

— Разумеется, молодой господин, — отозвался Фэнъэнь. — Впрочем, если здешние покои придутся вам не по душе, вы вольны возвращаться на ночь в свое прежнее жилище. Но предупреждаю: ежедневная ходьба туда и обратно быстро вам наскучит и лишит сил.

Они вошли во внутренний двор учеников. Миновав круглые ворота и обогнув живописные искусственные горки у пруда, Сяодун замер от восхищения. Под высоким ясным небом раскинулись причудливо разбросанные домики из серого кирпича. Под их изогнутыми крышами покачивались связки бамбуковых колокольчиков, наполнявшие воздух тихим, умиротворяющим перестуком при каждом порыве ветра.

Сяодун заворуженно двинулся вперед, выдыхая сквозь зубы:

— Да какая же это школа... Настоящий персиковый источник, не иначе.

Эти слова оказались пророческими.

Стоило ему переступить порог Академии Широкого Благодеяния, как он ощутил, насколько здешняя атмосфера отличается от удушливого покоя княжеской усадьбы. Сюда еще не успели проникнуть суровые и циничные законы взрослых. Конечно, со временем это место неизбежно превратится в ярмарку тщеславия и поле незримой битвы за власть, но пока оно оставалось

чистым, нетронутым прибежищем для юных душ.

Впрочем, подобные тихие гавани редко сулят покой надолго.

Проводник подвел его к отведенным покоем. Территория школы была огромной, а ученики — сплошь отпрысками знатных родов, поэтому каждому полагался отдельный небольшой домик. У дверей покачивались сандаловые дощечки с именами будущих владельцев. Подойдя к своему порогу, Сяодун долго разглядывал вырезанные на дереве иероглифы «Гу Шаньцин». Вздыхнув, он потер мочку уха и потянул на себя тяжелую створку.

Напрочь позабыв о легкой досаде из-за смены имени, Сяодун принялся с восторгом исследовать новое жилище. Он кружил по комнате, точно щенок, гонящийся за собственным хвостом, пока в голове не промелькнула куда более радостная мысль. Замерев посреди покоев, он с нетерпением спросил:

— Фэнъэнь, а где поселили молодого господина Су?

Слуга снисходительно улыбнулся:

— Весьма далеко отсюда. Господин Су слаб здоровьем, оттого и покой для него обустроили особый — в самом уединенном уголке, поближе к учебным залам. А вот покои молодого господина Гэ совсем под боком. Желаете взглянуть?

— А-а, — протянул Сяодун.

Ему не терпелось разыскать домик Су Минья, поэтому по дороге он усердно пытался запомнить каждый поворот и развилку. Однако обширность усадьбы сыграла с ним злую шутку: среди бесконечных декоративных холмиков, купален и густых зарослей бамбука голова у него пошла кругом. В конце концов до жилища Су Минья он так и не добрался, к Гэ Дунчэню тоже не заглянул, зато нечаянно забрел к воротам покоев Гуань Юньцзи.

Нагулявшись до легкого головокружения, но оставшись вполне довольным собой, Сяодун пустился в обратный путь. Проходя мимо пруда у входа в Двор учеников, он облокотился на перила мостика. Сквозь водную гладь, в которой плавали пушистые облака, на него глядело собственное лицо — повзрослевшее и оттого ставшее чуточку чужим.

Заглядевшись на дрожащие круги, он вдруг заметил промелькнувшую на глубине тень огромных крыльев. Вскинув голову, Сяодун радостно закричал во весь голос:

— Догоревший фитиль!

Фэнъэнь, шедший следом, деликатно дождался, пока он замолкнет, и тихонько рассмеялся:

— Молодой господин, впредь прошу вас воздерживаться от столь громких призывов. Подобное поведение сочтут неподобающим, и хотя княгиня не станет бранить лично вас, нам с Фэнхуанем не поздоровится.

Сяодун осекся и торопливо прижал ладонь к губам, усердно кивая в знак согласия. Тем временем огромный кречет, сделав плавный круг в лазурном небе, опустился совсем низко и завис над его головой. Парень восторженно замахал руками. Птица, хлопнув тяжелыми крыльями, приземлилась прямо ему на грудь, и Сяодун поспешно, но бережно прижал ее к себе.

Стоило им отойти на пару десятков шагов от ворот, как навстречу вышли хозяин грозной птицы и его приятель.

Цзиньюй как раз показывал Гуань Юньцзи окрестности школы. Заметив Сяодуна, оба они мгновенно умолкли, а их лица удивленно вытянулись.

Юньцзи в изумлении ткнул пальцем в сторону разомлевшего кречета:

— С каких это пор Догоревший фитиль дается в руки первому встречному? Ты что, новый сокольничий?

Сяодун растерянно моргнул:

— Чего?

В голове так и закрутились колкие ответы. Этот твердолобый Гуань Юньцзи умудрялся строить из себя незнакомца, хотя они не раз сталкивались в усадьбе еще до праздников. Неужели память отшибло?

— У меня нет новых слуг, — негромко кашлянув, вмешался Цзиньюй. — Юньцзи, это приемный сын моей матушки, Гу Сяодун.

Глаза Гуань Юньцзи округлились еще сильнее. Он бесцеремонно оглядел парня с ног до головы и с подозрением покосился на Цзиньюя:

— Только не говори мне, что это тот самый замухрышка из захолустья. Он ведь у вас без году неделя, откуда такие перемены? Я его совсем другим помню.

— Зато теперь запомнишь, — хмыкнул Цзиньюй и перевел взгляд на Сяодуна. — Сяодун, Догоревший фитиль довольно тяжелый. Пусти его ко мне, не утруждай руки.

Стоило Цзиньюю щелкнуть пальцами, как дремавший кречет мгновенно встрепенулся.

Вырвавшись из объятий Сяодуна, птица стрелой взмыла вверх и со свистом опустилась на предплечье хозяина. Рука Цзиньюя даже не дрогнула, лишь под широким рукавом туго натянулись мышцы.

Гуань Юньцзи с нескрываемой завистью потянулся к хищнику, надеясь погладить, но птица угрожающе взъерошила перья на затылке и грозно щелкнула клювом — мол, только попробуй коснуться, пальцев недосчитаешься.

С досадой отдернув руку, Юньцзи брезгливо покосился на Сяодуна, но тут же демонстративно отвернулся, словно само созерцание этого юноши оскорбляло его благородный взор.

Сяодун не обратил на этот жест никакого внимания. Он давно не видел Цзиньюя и, помня, как тот усердно пересылал его письма домой, радостно зашагал навстречу.

Сблизившись с ними, он вежливо поклонился:

— Приветствую вас, Четвертый молодой господин, господин Гуань.

В душе Цзиньюя, доселе спокойной, вдруг шевельнулось странное, щемящее чувство. Коротко кивнув, он вскинул руку и отправил Догоревшего фитиля в полет, пытаясь скрыть легкое смятение.

Сяодун восторженно уставился на него:

— Вы привели господина Гуаня показать ему школу? А я как раз только что оттуда! Даже видел, где будет комната господина Гуаня.

Он повернулся вполоборота, собираясь показать дорогу, но Гуань Юньцзи, проследив за его рукой, наткнулся взглядом на крошечные бусины в мочках ушей Сяодуна. Лицо благородного наследника исказилось от целой гаммы противоречивых чувств. Брезгливо поморщившись, он бесцеремонно схватил Цзиньюя за рукав:

— Четвертый, идем отсюда.

Проходя мимо, Юньцзи нарочно толкнул Сяодуна плечом. Тот покачнулся и растерянно сделал пару шагов следом, однако спесивый барчук тут же обернулся и прикрикнул на него, заставив отступить.

Сяодун послушно замер на месте. Смущенно потеряв кончик носа, он робко и с явным сожалением взглянул на Цзиньюя, после чего отвесил еще один вежливый поклон:

— Простите за беспокойство. До встречи на занятиях, молодые господа.

Непонятная тревога в груди Цзиньюя разгорелась с новой силой. Пройдя немного вперед, он не выдержал и обернулся. Сяодун по-прежнему стоял у пруда и, поймав его взгляд, весело замахал рукой.

Цзиньюю вдруг безумно, вопреки всякому здравому смыслу, захотелось развернуться и подойти к нему, но он вовремя подавил это глупое желание.

— Этот оборванец тоже будет здесь учиться? — недовольно процедил сквозь зубы Юньци.

— Таково распоряжение матушки, — ровно отозвался Цзиньюю.

— Вы там совсем с ума сошли — возиться с безродной челядью? — фыркнул приятель, качая головой. — Да на него поглядеть — ему только помой за свиньями выносить, а не за книгами сидеть.

— У простых людей тоже есть свои... достоинства, — уклонился от прямого ответа Цзиньюю.

Юньци брезгливо передернул плечами:

— Пусть эти достоинства оценивает кто-нибудь другой, а от меня держи его как можно дальше.

Цзиньюю негромко усмехнулся, и в его голосе промелькнула едва заметная издевка:

— Что ж, тогда тебе придется очень постараться.

Сяодун тайне надеялся еще хоть раз повстречать Цзиньюя до начала занятий, однако вплоть до тринадцатого февраля, когда настала пора окончательно перебираться в академию, тот больше не объявлялся. Лишь кречет Догоревший фитиль несколько раз наведывался к нему на окно — но исключительно ради лакомства или ласки. Никаких записок к его лапам привязано больше не было.

«Ну и занятой же он господин!» — беззлобно ворчал про себя Сяодун.

Ему очень хотелось расспросить Цзиньюя, почему тот выбрал для него именно это имя, но теперь, когда вещи были перевезены в Двор учеников, надежда на разговор и вовсе растаяла.

Официально занятия начинались пятнадцатого числа. Сяодун прибыл заранее, надеясь опередить остальных, ведь тринадцатого и четырнадцатого февраля в школу должны были съехаться все остальные ученики. Сердце подсказывало ему, что Су Минья тоже предпочтет приехать пораньше. Желая во что бы то ни стало встретить его первым, Сяодун спозаранку устроился в изящной беседке у самого пруда. Он лениво листал учебник, усердно зубря скучные правила под мерный плеск воды и ласковое дуновение весеннего ветра.

Фэнъэнь полагал, будто молодой господин просто решил повторить пройденное на свежем воздухе, и не мешал ему, даже не подозревая, что тот устроил настоящую засаду в надежде увидеть милого сердцу господина Су.

И ведь не прогадал!

Когда от бесконечных строчек у Сяодуна уже вовсю раскалывалась голова, со стороны ворот донесся тихий, на редкость мягкий голос. Парень вздрогнул, и вся тоска последних дней одиночества мгновенно улетучилась, уступив место безумному, сладостному волнению, которое невозможно было сдержать.

Свернув свиток, он вскочил на ноги и прильнул к балюстраде беседки. С каждым шагом приближающегося гостя его сердце колотилось все неистовее, и когда в воротах наконец показался хрупкий, болезненный юноша, у Сяодуна от счастья едва не помутилось в глазах.

Позабыв обо всем на свете, он кубарем скатился по ступенькам беседки и, заливаясь краской до самых ушей, громко позвал:

— Молодой господин Су!

Тот обернулся и ласково улыбнулся ему в ответ:

— Сяодун.

Сяодун торопливо отвесил положенный среди равных учеников поклон, чувствуя, как у него пылают даже кончики ушей, и робко пролепетал:

— Господин Су... Мне дали новое имя. Отныне меня зовут Гу Шаньцин.

— Вот как? — Су Минья, словно угадав его тайную неохоту, даже не подумал менять привычное обращение. — Нас связывает сама судьба, так что наедине я по-прежнему буду звать тебя Сяодуном. Позволишь?

Весенний ветерок принес с собой аромат цветущих слив, и в груди Сяодуна разлилось щемящее тепло. Сдерживать счастливую улыбку не было никаких сил — его лицо озарилось чистым, сияющим восторгом.

— Конечно! С радостью!

<http://bllate.org/book/20609/2140780>